
УДК 82'0

ББК 83.3

X 98

Хуако Ф.Н.

Доктор филологических наук, профессор кафедры сервиса, туризма и связей с общественностью Майкопского государственного технологического университета, e-mail: fatimah2@mail.ru

Эволюция и жанровая специфика лирической повести *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматривается история зарождения и развития лирической повести, ее композиционные и стилистические особенности. Предпринятый анализ реализуется с привлечением значительного литературоведческого и критического материала, при этом затрагиваются теоретические основы, вопросы традиций, новаторства, а также специфики художественного лиризма в прозе.

Ключевые слова:

История литературы, лиризм в прозе, лирическая повесть, стилевая специфика, композиция.

Khuako F.N.

Doctor of Philology, Professor of Department of Service, Tourism and Public Relations, Maikop State University of Technology, e-mail: fatimah2@mail.ru

Evolution and genre specifics of the lyrical story

Abstract:

The paper discusses the history of the origin and development of the lyrical story, its composite and stylistic features. The analysis is made on the basis of a considerable literary and critical material. The author examines the theoretical fundamentals and the questions related to traditions, innovations and specifics of art lyricism in prose.

Keywords:

History of literature, lyricism in prose, the lyrical story, style specifics, composition.

Являясь объектом отображения художника и в эпосе, и в драме, и даже в сатире, внутренний мир личности представляет собой не отдельное художественное целое, а используется как составляющее или в качестве аккомпанемента прозаического, драматического или сатирического образа, благодаря чему в этих литературных родах правомерно рассматривать не лирику, а лиричность или лиризм. Весь

окружающий лирического героя мир и явления этого мира органично растворяются в ощущениях и чувствах героя, начинают кипеть в круговороте его эмоций, бить через край и, лишь только полностью став частью духовного мира персонажа, находят свое выражение в лирическом тексте. И именно поэтому лирический текст обычно лаконичен, насыщен и лапидарен. Сила воздействия лиризма

не в развернутых подробностях и пространных деталях, а как раз в глубине и концентрированности содержания.

Эпосу присущ способ показа человеческой личности как элемента объективной действительности, впечатление о котором у читателя складывается в ходе происходящих событий, совершаемых им действий и развития сюжета. Лирике свойственен внесюжетный способ изображения личности – в процессе и посредством переживаний, впечатлений и ощущений. Результат же растворения лиризма в эпосе являет собой неожиданное сочетание сюжетного и внесюжетного способов отображения действительности, с помощью авторского голоса, придающего повествованию субъективно-оценочный характер. Таким образом, в рассказ вкладывается уже определенное эмоциональное отношение к происходящему, и, даже ведя речь о своем герое в третьем лице, автор будто бы сам живет его ощущениями, берет их на себя и своим прочувствованным повествованием зажимает и читателя. По словам Л. Тимофеева, «речь повествователя о событиях и людях присуща эпосу (в драме ее вообще нет, в лирике она дается как высказывание о переживаниях, идущее от лица их носителя, а не как рассказ о других людях, дающий определенное к ним отношение)» [1: 211]. Продолжая эту мысль, заметим, что речь повествователя о переживаниях, порожаемых событиями и людьми, присуща и, в частности, лирической прозе.

В рамках лирического объективная реальность выступает в ее преломлении через внутренний мир человека как его переживание, вызванное обычными, рядовыми жизненными обстоятельствами. Это переживание и есть основа художественной формы в лирике, в которой, по выражению В.Белинского, мысль должна стать чувством. Благодаря этому лирическое изложение принимает субъективированный характер; наряду и наравне с участниками событий появляется пласти-

ческий и обобщенный образ автора, дающий субъективную оценку событий. Эта оценка проявляется прежде всего в строе повествовательной речи, получающей значительную эмоциональную окраску в зависимости от отношения повествователя к изображаемому. Окрашенное же лиризмом эпическое повествование в состоянии преобразовать застывшую детальную хроникальность в стремления, мотивы, психологическую обусловленность происходящего, страсть и страдания его участников, самореализация и самовыражение которых в текущих событиях и составит основную преамбулу произведения.

Элементы психологического самоанализа и даже несколько преувеличенное внимание к собственной личности проявляется в оригинальном «Молении» Даниила Заточника. Ярко и смело освещены некоторые стороны внутреннего мира человека в письмах Ивана IV к князю Курбскому. Бытовая конкретность, дневниковая непосредственность с элементами лиризма, дающими возможность почувствовать своеобразную индивидуальность героя, обнаруживается в «Хождении Афанасия Никитина за три моря».

Примеров активного воздействия лирического начала на общую художественно-философскую структуру произведения много и в других древних, даже древнейших литературах, что свидетельствует об объективном, оригинальном сплаве лирического и иных родовых начал в художественном творении. И в «Слове о полку Игореве», и в произведениях, указанных выше, лирическое проявляется как один из главных, уже окончательно сформировавшихся жанрово-стилистических элементов. Поэтому естественно, что эта традиция существенно повлияла на весь последующий жанрово-родовой процесс в отечественной литературе, что она затем приобрела явные, конкретные, постоянно обогащающиеся очертания. В конце XVIII

– начале XIX века прямое лирическое выражение авторской индивидуальности в прозе нашло широкое распространение в творческой практике сентиментализма. Примером может служить произведение Н.Карамзина «Письма русского путешественника», относящееся к характерному для сентименталистов того периода жанру «путешествий». Путевые впечатления автора, тема поездки обычно становились поводом для сентиментальных размышлений, обращений к читателю. Важнейшим этапом в ходе становления и развития средней формы лирической прозы явилось творчество Герцена. Герценовское размышление лирически одухотворено, по мягкому определению В.Белинского, является в произведении «как чувство, как страсть», оно «как-то чудно доведено до поэзии» [2: 396]. Расцвет русского романа в 1860 – 1880 гг. выдвинул на передний план литературы традиционный сюжетный тип повествования. Лирическая проза представлена в эту эпоху главным образом лирическими миниатюрами и рассказами И.С.Тургенева, В.М.Гаршина, В.Г.Короленко, И.А.Бунина. В прозаических произведениях И.Бунина все пронизано чувствами героя, все преломляется через его ощущения. основополагающая черта прозы И.Бунина – ее всепроникающая лиричность.

Что касается развития российской литературы периода так называемого соцреализма, то лирически окрашенными здесь предстают произведения самых разнообразных жанров и исторических периодов. Так, 20-е гг. в истории советской литературы, по словам критика, – «эпоха могучего лирического излучения» [1: 197]. Октябрьская революция и гражданская война, небывалый подъем революционного духа участников событий потребовали особых экспрессивных средств выражения освободившейся духовной энергии народа. Эпохальная торжественность, возвышенная патетика и проникновенный лиризм придают ли-

тературе двадцатых годов неповторимо красочный оттенок. Видное место среди писателей 20-х гг., тяготевших к лирической прозе, занимал А.Малышкин. Лирический элемент пронизывает и некоторые другие крупнейшие, эпические произведения советских писателей. Тончайшим светлым лиризмом, в частности, отмечено все творчество М.Шолохова.

Если обратиться к развитию лирической повести в послевоенные годы, то оно было далеко не равномерным; существовали периоды, когда некоторые литераторы отдавали предпочтение роману, а это делало проблематичным использование в прозе лирических нот, т.к. природа романа гораздо менее, по сравнению с повестью, расположена к лиричности и исповедальности, т.е. не столь внимательна к личности. Однако глубокие и серьезные духовные перемены, происшедшие в жизни общества в 50 – 60-е гг., оказали немалое влияние на развитие повести как одного из ведущих жанров литературного процесса. В этом жанре четко наметились два направления: одно было связано с изучением социальных и хозяйственных противоречий, другое отражало возросший интерес к внутреннему миру человека, ставило нравственные проблемы и пыталось предложить свои способы их решения.

Само понятие лирической прозы довольно размыто в отечественном литературоведении, до сих пор не существует ее ясного и отчетливого определения. Наиболее точную характеристику мы находим в «Словаре литературоведческих терминов»: «Лирическая проза в узком (и точном) смысле слова является прозаической разновидностью лиро-эпического жанра. В произведениях этого типа лирический герой становится структурным центром всей композиции, которая представляет собой цепь непосредственных переживаний этого героя» [1: 197]. Авторы «Словаря...» довольно точно подмечают то, что лирическая проза несет в себе черты

и лирического, и эпического изображения жизни, которые в своем единстве образуют новое, своеобразное видение мира. Лирическая проза сохраняет эмоциональность лирики, но глубоко и многопланово рассматривает внешний мир через внутренние переживания героя. Отмечается здесь и такой неотъемлемый признак лирической прозы, как отсутствие законченного, ясно выраженного сюжета. На эту особенность лирической прозы обращает внимание и Э.Бальбуров: «В лирической прозе, где разговора значительно больше, чем действия, а фигура повествователя заслоняет собой всех остальных героев, отыскать то, что принято называть сюжетом, не так-то просто» [2: 88].

Соглашаясь с авторами «Словаря...» и Э.Бальбуровым, признающим наличие в лирической прозе хотя и своеобразного, но сюжета, хотелось бы немного поспорить с последним относительно части его высказывания, касающейся фигуры повествователя и ее роли в изложении. Э.Бальбуров оценивает роль и место автора и героя в лирическом произведении следующим образом: «Авторское сознание как бы поглощает собой весь предметно-образный материал произведений, выстраивая его в ассоциативные ряды впечатлений, переживаний, раздумий» [2: 122]. И еще: «...персонажи и герои лирических произведений в отличие от эпических и драматических героев не имеют собственного видения и понимания мира, а значит, и права на собственное слово. Они лишь раскрывают те или иные грани, противоречия, тенденции личности самого поэта, являются его прозрачными масками. Лирическое слово не может до конца принадлежать герою и тем самым стать фактом художественного вымысла, потому что оно никогда не теряет живой и непосредственной связи с действительностью, никогда не перестает быть реальностью живого устремления, убеждения, душевного жеста самого героя» [2: 36].

Однако, на наш взгляд, исследователь несколько преувеличивает роль

автора и, соответственно, преуменьшает роль героя в лирическом высказывании. Очевидно, что подобный тезис в его рассуждениях проистекает из выдвигаемой им в цитируемой работе концепции происходившего в свое время «постепенного внедрения прозы в лирику» [2: 30]. При этом в данном случае более уместен был бы термин «эпическая» или «прозаическая лирика», а не «лирическая проза». Что касается роли поэта в лирическом повествовании, с автором можно было бы согласиться, если бы речь действительно шла непосредственно о поэзии. Применительно же к рассматриваемой жанровой разновидности прозы, обогащенной лирическим компонентом, во главу угла необходимо ставить именно эпический подход, а значит, ни в коем случае не отказывать действующему в произведении герою в праве на «собственное слово». Причем анализируемый в данном случае сплав эпоса и лирики (с преобладанием элементов эпоса), тем не менее, не дает никаких оснований автору и герою состязаться в значимости, а просто порождает (в том-то и состоит художественная неповторимость лирической прозы) некую неуловимую субстанцию, объединяющую в себе роль и автора, и рассказчика, и героя. И порой даже не требуется проводить каких-либо разграничений между ними – настолько органично эти составляющие объединены в форме подобной активно действующей субстанции.

По мысли Арк.Эляшевича, «в «субъективной», лирической прозе личность рассказчика выдвигается на первый план. Его внутренняя жизнь и есть главный предмет изображения. Если эпическая проза рисует самую жизнь в ее многочисленных противоречиях и связях, то лирическая сосредоточивает внимание на отношении рассказчика к жизни, на его мыслях о ней, на его чувствах и переживаниях» [1: 202]. В данном случае исследователь существенно ограничивает художественный потенциал лирической

прозы в целом и возможности отображения ею действительности, в частности. Далее в той же статье Арк.Эльяшевич продолжает принятую линию, отмечая: «Круг наблюдений и образов в лирических произведениях неизбежно ограничен сферой восприятия лирического героя. И здесь приобретает огромное значение способность этого героя видеть мир в его типических проявлениях, в конкретно-исторической наглядности» [1: 202]. То есть, если исследователь утверждает подобную «неизбежную ограниченность» изобразительного потенциала лирической прозы, то почему же он далее проводит мысль о возможной способности лирического героя объективно отображать действительность? Налицо явное противоречие.

Ни в коей мере не отрицая того, что объектами изображения лирической прозы являются эмоционально-личностная сфера рассказчика, его отношение к действительности и так далее, осмелимся немного расширить круг подобных объектов и включить в него непосредственно окружающий героя мир. С помощью внутреннего «Я» героя, через его мировосприятие как раз и происходит пусть и личностное, индивидуальное, но, тем не менее, отображение действительности – отображение, в некоторой степени объективное, сопровождаемое элементом субъективности. Другое дело, какова степень этой субъективности. Кстати, именно поэтому считаем неправомерным отождествление Арк. Эльяшевичем терминов «субъективная» и «лирическая» проза. В таком случае можно вести речь не о «лирической прозе», а о «прозаической лирике» или «эпической лирике», о лирике, сосредоточенной лишь на внутреннем мире автора (рассказчика), пусть субъективно и чувствующего действительность, но не отображающего ее в полной мере. И хотя далее в своей статье автор останавливается на вопросе «охвата действительности» посредством лири-

ческой прозы, тем не менее: «В лирике художник выражает свои чувства и свое отношение к миру, но ни один художник не может быть велик от себя и через себя, если он, рассказывая о своей личности, не стремится рассказать о том, что волнует всех» [1: 192]. Несогласие вновь вызывает резкое ограничение возможностей рассматриваемой жанровой разновидности. Действительность – это отнюдь не то, что «волнует всех», а то, что действительно существует, независимо от того, является ли оно волнующим всех или нет.

Если эпическая проза строится на объективизации повествования, на сюжетно-хронологическом развертывании изображаемых событий и поступков людей, то в лирической прозе сюжету, как правило, отводится незначительная роль. Сюжет обычно несложен и прост, и не он определяет лирический характер целого. Фабула может проследиваться с трудом: единство разрозненных картин, ассоциативных образов достигается благодаря единству отношения лирического субъекта, единству ведущей эмоциональной тональности. Здесь вступают в силу законы «лирической композиции и лирического выражения», т.е. законы особой организации жизненного и словесного материала. Можно говорить и о таких особенностях лирического сюжета, которые отличают его от сюжета эпического: непоследовательность и неожиданная смена настроений в повествовании, а также отсутствие строгой логической связи между отдельными звеньями сюжета. Иными являются здесь и способы раскрытия главного героя. Его образ не развивается во времени, а обнаруживается перед читателем в различных своих гранях. В лирической прозе присутствуют родовые черты как эпоса, так и лирики. От эпоса – определенная выраженность фабулы, персонажная многофигурность, элементы характерологии. От лирики – присутствие субъекта повествования (автор, рассказчик, герой), а также особая значимость лейтмотива, ко-

---

торая при ослабленности фабулы вносит в произведение структурирующее начало. Взаимопроникновение лирического и эпического в лирической прозе обусловлено специфической ролью в ней субъекта повествования, который, как правило, является композиционным центром произведения. Эпические моменты (события, характеры) растворяются в потоке ассоциаций, лирических отступлений, они как бы помещаются внутрь повествующего сознания, обрамляются им.

Лирическая струя может быть при-суца как большим, так и малым формам литературных произведений. Однако мы сочли необходимым остановиться именно на лирической повести, которая «связана с размышлениями, иногда вполне открытыми, прямыми, авторскими. В повести читателя по преимуществу ведет автор. Вести долго автор не станет – это утомительно для читателя. Поэтому повесть чаще более коротка, чем роман, более целеустремленна, имеет меньше персонажей, их повествовательные судьбы короче, сюжет лаконичнее, даже острее» [3: 3]. И еще один аргумент, позволяющий назвать повесть жанром, максимально приближенным к лирике – это, если можно так выразиться, ее «малая конфликтность». На наш взгляд, применительно к повести можно вести речь о событиях, порой отходящих на второй план перед личностной средой и эмоционально-чувственной сферой, растворяющихся в них, однако никак

не отсутствующих. Добавим, к тому же, что «тесные рамки» повествовательной формы весьма вместительны для художественного исследования и постижения человеческого бытия в разнообразных его проявлениях. Так, отечественные повести второй половины прошлого века наглядно продемонстрировали, что им доступны и очерк нравов, и сложный духовный мир героя, и противоречивая игра страстей. Социальные и нравственные проблемы, волнующие современников, живые характеры, изображенные в их внутреннем движении, психологизированный взгляд на прошлое и лучшие надежды на будущее, – все это и многое другое в состоянии отразить и в полной мере отражает лирическая повесть.

Таким образом, лирическая повесть – это жанровая разновидность средней формы прозы, повествование в которой предполагает наличие элемента субъективности, при этом: 1) в случае изложения от первого лица (т.е. от лица автора) субъективное восприятие и последующее отображение героем и, одновременно, автором (рассказчиком) действительности происходит сквозь призму его собственного «Я»; 2) в случае изложения от третьего лица (т.е. при объективном взгляде автора (рассказчика) на героя со стороны) восприятие и отображение реальности также происходит сквозь призму собственного «Я» каждого из них, т.о. оно вновь субъективно.

Примечания:

1. Эльяшевич Арк. О лирическом начале в прозе // Звезда. 1961. № 8.
2. Бальбуров Э. Поэтика лирической прозы. Новосибирск: Наука, 1985. 274 с.
3. Цит. по: Кузьмин А. Повесть как жанр литературы. М.: Просвещение, 1984. 321 с.

References:

1. Elyashevich Ark. On the lyrical beginning in prose // Zvezda. 1961. No. 8.
2. Balbuurov E. Poetics of lyrical prose. Novosibirsk: Nauka, 1985. 274 pp.
3. Quoted on: Kuzmin A. A story as a literature genre. M.: Prosveshchenie, 1984. 321 pp.